

А. В. Геворкян^а

<http://orcid.org/0000-0002-2658-4580>

[✉ armenvar@mail.ru](mailto:armenvar@mail.ru)

М. В. Строганов^а

<http://orcid.org/0000-0002-7618-7436>

[✉ mvstroganov@gmail.com](mailto:mvstroganov@gmail.com)

^а Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)

«БЫТЬ СВЯТЫМ В НАШ ВЕК ОЧЕНЬ ТРУДНО»: В. Г. КОРОЛЕНКО И Иоанн КРОНШТАДТСКИЙ

Аннотация. В. Г. Короленко в своей публицистике не мог обойти вниманием такую значимую фигуру России конца XIX — начала XX в., каким был о. Иоанн Кронштадтский (Иван Ильич Сергиев). Тема эта занимала писателя довольно продолжительное время, что нашло отражение в его дневниках. Однако ряд документов, раскрывающих восприятие Короленко личности настоятеля Андреевского собора в Кронштадте, остались в черновых рукописях писателя лишь в качестве набросков или подготовительных материалов в виде газетных заметок, включенных в записные книжки. Сообщения эти освещали не только деятельность священника, но и курьезные случаи, связанные с его персоной. Наброски эти, по замыслу Короленко, должны были войти в виде художественных очерков в цикл «Из записок обывателя», часть которого посвящена церковной и околоцерковной жизни. В статье рассматриваются рецензии и отклики Короленко и Михайловского на литературную деятельность о. Иоанна Кронштадтского, а также таких ревнителей веры, как одиозная личность Михаила Сырокомля-Сопоцько. В своих набросках Короленко обращался и к политической деятельности о. Иоанна Кронштадтского, позиции, занятой последним во время еврейского погрома в Кишиневе в 1903 г., обозначившей правый поворот в его деятельности. Часть архивных материалов Короленко впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: В. Г. Короленко, Иоанн Кронштадтский, М. Сопоцько, еврейские погромы, П. Крушин, Л. Н. Толстой, «Русское богатство», «Из записок обывателя»

Для цитирования: А. В. Геворкян, М. В. Строганов. «Быть святым в наш век очень трудно»: В. Г. Короленко и Иоанн Кронштадтский // Шаги/Steps. Т. 11. № 2. 2025. С. 309–341. EDN: YVTKVD.

Поступило 17 апреля 2024 г.; принято 2 мая 2025 г.

A. V. Gevorgyan^a

<http://orcid.org/0000-0002-2658-4580>
✉ armenva@mail.ru

M. V. Stroganov^a

<http://orcid.org/0000-0002-7618-7436>
✉ mvstroganov@gmail.com

^a *A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*

“IT IS VERY DIFFICULT TO BE A SAINT IN OUR AGE”: V. G. KOROLENKO AND JOHN OF KRONSTADT

Abstract. V. G. Korolenko in his journalism could not ignore such a significant figure in Russia at the end of the 19th — beginning of the 20th century as John of Kronstadt (Ivan Ilyich Sergiev). This topic occupied the writer for quite a long time, which was reflected in the writer's diaries. However, a number of materials revealing Korolenko's perception of the personality of the rector of St. Andrew's Cathedral in Kronstadt remained in the writer's draft manuscripts only in the form of sketches or preparatory materials in the form of newspaper notes pasted into notebooks. These messages covered not only the activities of the priest, but also curious incidents associated with his person. The article considers Korolenko's and Mikhailovsky's assessments of John of Kronstadt's literary activity, as well as the literary activity of such odious figures as Mikhail Sopotsko-Syrokomlia. In his sketches, Korolenko also addressed the political activities of John of Kronstadt, the position taken by the latter during the Jewish pogrom in Chisinau in 1903, which marked a right turn in his activities. Some of Korolenko's archival materials are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: V. G. Korolenko, John of Kronstadt, M. Sopotsko, Jewish pogroms, P. Krushevyan, L. N. Tolstoy, “Russian wealth”, “From the Notes of an Everyman”

To cite this article: Gevorgyan, A. V., & Stroganov, M. V. (2025). “It is very difficult to be a saint in our age”: V. G. Korolenko and John of Kronstadt. *Shagi / Steps*, 11(2), 309–341. EDN: YVTKVD. (In Russian).

Received April 17, 2024; accepted May 2, 2025

Когда в 1894 г. Н. К. Михайловский стал усиленно звать В. Г. Короленко в реорганизуемый им журнал «Русское богатство», он рас считывал на Короленко в первую очередь как на большую литературную силу, которая идеологически была близка ему. Публицисты-единомышленники у Михайловского на примете были, но другого большого писателя, к тому же единомышленника, найти было негде. И лейтмотивом всех десяти лет их сотрудничества в журнале — до смерти Михайловского в 1904 г. — были настойчивые побуждения Михайловского (и других сотрудников редакции) к Короленко дать что-нибудь «художественное» [ЛН 2022 (1): 141, 157, 160, 172, 186, 205, 217, 222, 234, 276, 281, 340, 361, 444, 473, 518, 521, 587, 588, 642, 645, 647; 2022 (2): 70, 93, 114, 148, 153, 160, 212, 234, 253, 316, 334].

Но «художественное» у Короленко с каждым годом писалось все труднее, просто не шло. С гораздо большим интересом он работал либо над тем, что теперь принято называть non-fiction, либо над публицистикой. Острая, иногда газетного типа публицистика, в которой умелое столкновение реальных фактов вызывало художественный эффект, и автодокументальная проза, в которой обобщался опыт поколения, оказались на самом деле подлинным литературным лицом Короленко. И это был его истинный, оригинальный путь в литературе, весьма продуктивный в большой исторической перспективе.

Однако при жизни Михайловского Короленко вынужден был сдерживаться и выжимать из себя «художественное». Но когда после смерти Михайловского Короленко единолично стал во главе журнала, он сразу же создал в «Русском богатстве» новый раздел «Случайные заметки», который составили небольшие статьи газетного формата с острым публицистическим содержанием. И стал сам наиболее активным вкладчиком этого раздела. Вот как он описывал свой проект в письме к Е. С. Короленко от 18 мая 1904 г.:

Сегодня сдал (и сейчас еще сдаю) последние странички «заметок». Я уже писал тебе, что мы затеваем новый отдел, который будет состоять из коротких сообщений и заметок, подписываемых инициалами или совсем не подписываемых. Это будет дополнением к хронике, но будет касаться фактов литературных, вообще — разнородных. Я даю одну заметку покрупнее («М. А. Протопопов об Н. К. Михайловском») и две небольших. 4 заметки дает Мельшин. На будущую книжку готовит то же Пешехонов. Должно выйти разнообразно и живо [Короленко 1904а: Л. 28–28 об].

Между тем и ранее Короленко писал в жанре очерковой прозы, что вызывало постоянное недовольство Михайловского и высокие оценки современной критики. Так, по поводу путевых очерков «Над лиманом (Из записной книжки путешественника). I. Некрасовский корень. — II. Искатели» (Русское богатство. 1897. № 11) газета «Русские ведомости» писала:

Нужен художественный талант г. Короленко, чтобы из мимолетной встречи создать такие образы, которые могут символизировать собой отношение участников к делу во всякой борьбе за трудно достижимое [И—т 1897: 3].

Впрочем, многие подобные очерки так и не были завершены, хотя наброски к ним сохранились. Обычно это небольшие тексты в жанре исторического анекдота, рассказанные с точки зрения «простодушного», поскольку со времен Вольтера маска Простодушного (естественного человека) постоянно использовалась для художественного остранения и идеологического разоблачения разного рода мнимостей современной «культурной» жизни. Именно в этой манере написан неопубликованный цикл «Пустяки мелкие и афоризмы». И к этой же форме относится другой небольшой цикл «Из записок обывателя», который архивистами датирован 1900-ми годами, хотя многие отраженные в них события относятся к 1890-м годам. Заметки этой черновой рукописи посвящены церковной и околодерковной жизни. В настоящую публикацию включены части № 7—9 «Из записок обывателя», которые связаны сprotoиереем, а с 1894 г. — настоятелем Андреевского собора в Кронштадте Иоанном Кронштадтским (Иван Ильич Сергиев; 1829—1908). В некоторых местах текста Короленко оставил пробелы для фактических уточнений, обозначив их рядами точек.

Личность Иоанна Кронштадтского очень интересовала Короленко. М. Горький вспоминал разговор при первом знакомстве с последним, хотя объединял в рассказе события 1891—1893 гг. (само знакомство произошло между декабрем 1889 г. и февралем 1890 г.):

Сказал я ему о моей насильтвенной беседе с Иоанном Кронштадтским, — он живо воскликнул:

— Как же вы думаете о нем? Что это за человек?

— Человек искренно верующий, как веруют иные, немудрые, сельские попики хорошего, честного сердца. Мне кажется — он испуган своей популярностью, тяжела она ему, не по плечу. Чувствуется в нем что-то случайное и, как будто, он действует не по своей воле. Всё время спрашивает бога своего: так ли, господи? и всегда боится: не так!

— Странно слышать это, — задумчиво сказал В. Г. [Горький 1973а: 242—243].

Горький называет свою беседу с Иоанном Кронштадтским 24—25 июля 1891 г. в саду Куряжского монастыря в Рыжикове под Харьковом насильтвенной потому, что он хитростью и отчасти силой характера добился ее вопреки внешним обстоятельствам (допуск к отцу Иоанну был запрещен) и внутреннему сопротивлению собеседника [Горький 1973б: 250—259; Груздев 1948: 346—353]. Горький, как мы уже сказали, соединяет факты и события разных годов, но, судя по собственным признаниям Короленко, личность Иоанна Кронштадтского все эти годы уже интересовала его. Во всяком случае в дневник 3 февраля 1894 г. он вносит запись, которая

делает весьма сомнительной его реплику «Странно слышать это» в воспоминаниях Горького:

Святой конца XIX века

Странную, но чрезвычайно характерную для нашего времени фигуру представляет кронштадтский святой и чудотворец о. Иоанн Сергиев, иначе называемый Иоанном Кронштадтским. Кто это? Заведомый шарлатан, или, наоборот, действительный подвижник, святой и чудотворец, — таков вопрос, на который получаются противоположные ответы, причем мнения являются удивительно смешанными и порой вы получаете неожиданный ответ от людей, образ мыслей которых заставлял вас ожидать от них мнения как раз противоположного. Так, говорят, высшее духовенство, с одной стороны, — смотрит на чудотворца весьма косо, считая его интриганом, и только необыкновенная популярность спасает чудотворца-протоиерея от «запрещения». С другой — рассказывают, что Иоанн Кронштадтский был призван даже к постели умирающего Щедрина!..

Я знал, или вернее встречал о. Иоанна в Кронштадте, когда мне приходилось жить в этом городе в 1872 и затем 1876 году. Он крестил девочку моего двоюродного брата и бывал в некоторых знакомых домах. Тогда это был простой человек, с худощавым лицом, мягким выражением глаз и русыми волосами. Держал он себя без всякого ханжества, позволяя себе сыграть в преферанс и охотно принимал приглашение « выпить и закусить чем бог послал». Но уже и тогда ходило много рассказов о его доброте к бедным, о том, что он всегда раздавал свое жалование «посадским», и что жена выхлопотала наконец, чтобы жалование выдавали на руки ей... [Короленко 1925–1928 (2): 239–240].

И в самом деле, Иоанн Кронштадтский был призван в 1889 г. к умирающему М. Е. Салтыкову, хотя, очевидно, не по инициативе самого писателя [Салтыков 2019: 35–37, 84–85]. И в самом деле, в 1872 г., будучи студентом Петербургского технологического института, Короленко наезжал в Кронштадт, где в то время жили его мать и сестры, а в 1876–1877 гг. он и сам жил вместе с ними, когда находился под надзором полиции. Однако нам неизвестен тот «двоюродный брат» Короленко, у которого в это время родилась дочь. Со стороны отца у Короленко была только двоюродная сестра Елена Никтополеоновна, в замужестве Бирюкова, но о ее детях ничего неизвестно. А со стороны матери только ее сестра Анжелика Иосифовна Скуревич (в браке Заболоцкая) могла иметь детей, но и о них ничего неизвестно. Брат матери Генрих Скуревич умер в 1872 г., будучи, очевидно, не в браке и бездетным, а сестра Елизавета Скуревич в браке не состояла. Так что мы не знаем, о каких крестинах шла речь. Между тем несомненно, что Короленко мог встречать священника Иоанна Кронштадтского и что личные впечатления переплетались с теми, которые были получены через прессу и книги.

Мы публикуем наброски¹ Короленко о священнике Иоанне Сергиеве в той последовательности, в какой они находятся в рукописи, и после каждого из этих набросков даем отдельный комментарий к каждому из них, чтобы облегчить восприятие «анекдотов».

1

Имея немало уже лет и обладая посему значительным житейским опытом, сверх же того будучи весьма начитан преимущественно в историческом и нравоучительном роде, — вознамерился я вести сии на склоне дней моих записки. Не для иного чего (как то для суетной славы или же прибытку), но единственно делаю сие для удовлетворения внутреннего своего побуждения, — ближним же моим в поучение и увеселение. А дабы показать со всею ясностию, что не тщусь ухищренными и высокоумными блеснуть измышлениями, в первых строках расскажу нижеследующий анекдот [Короленко 1890. Л. 1]².

О Иоанне Кронштадтском

Сей Кронштадтский пастырь написал книжицу, составленную изрядно плохо. Но в предисловии сообщил читателям, будто бы оная написана им в часы духовного наития, по внушению духа святого. Из чего явствовать должно, якобы книжица сочинена не Кронштадтским иереем, а Св. Духом.

Грех против Святого Духа и большое лукавство. Ибо светский писатель, на коего был бы взведен поклеп в таковом якобы продиктовании о. Ивану плохой книги, — мог бы отречься от сего, тиснув возражение свое в ведомостях. Чего от Духа Святого ожидать, разумеется, невозможно [Короленко 1890. Л. 29 об].

Речь идет о книге Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе, или Минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге», которая была издана в качестве 4-го и 5-го томов его собрания сочинений в 1892 г. В предисловии к 4-му тому говорилось:

Не предпосылаю моему изданию предисловия: пусть оно говорит само за себя. Всё содержащееся в нем есть не иное что, как благодатное озарение души, которого я удостоился от всепросвещавшего Духа Божия в минуты глубокого к себе внимания и самоиспытания, особенно во время молитвы. Когда мог, я записывал благодатные мысли и чувства, и из этих записей многих

¹ Черновая рукопись стилизованных под оклоцерковную словесность заметок на разные темы. В публикацию включены № 7–9 «Из записок обывателя». В тексте Короленко в ряде мест оставил пробелы для фактических уточнений. Публикуемые материалы приведены в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации с сохранением некоторых особенностей правописания оригинала.

² Далее следует первый анекдот «Из записок обывателя»: 1. Об остроумном лесничем и еще более остроумном исправнике. Между первыми шестью записками (л. 4–8) и текстами № 7–9 расположены другие заметки и газетные вырезки.

годов составилась теперь книга. Содержание книг весьма разнообразно, как увидят читатели, если они будут. Пусть они судят о содержании моего издания³ [Сергиев 1892].

Если допустить, что эта первая заметка об Иоанне Кронштадтском относится, как и вся рукопись, к 1900-м годам, то содержание ее выглядит некоторым анахронизмом, так как книга «Моя жизнь во Христе» вышла, повторим, в 1892 г. Кроме того, в дневнике Короленко есть сходная по содержанию запись, которую по расположению следует датировать временем между 28 ноября и 3 декабря 1893 г. Книга «Моя жизнь во Христе» вышла 4-м изданием в сентябре 1893 г. в Москве в двух томах в типографии Гатцкука [Список 1893: 14 (2-я паг.)], но в выходных данных самого издания оно датировано 1894 г.⁴:

О. Иоанн Кронштадтский выпустил недавно книгу: «Моя жизнь во Христе», которая недавно вышла уже 4 изданием. Сам он говорит о ней, что ее содержание «есть не иное что, как благодатное озарение (разрядка оригинала. — А. Г., М. С.) души, которого я удостоился от всепрощающего духа Божия в минуты глубокого к себе внимания и самоиспытания, особенно во время молитвы. Когда мог, я записывал благодатные мысли и чувства и из этих записей многих годов — составилась теперь книга».

Хорошая рекомендация, нельзя однако сказать, чтобы о. Иоанн обладал авторской скромностью. Разумеется, очень интересно прочитать произведение,вшенное «благодатным озарением», — нужно однако сказать, что озарение не внушило ничего, кроме жиденьких и банальных поучений, — в роде следующих: «Мы образ божий, а Бог есть любовь. Будем же жить в любви, повреждаем об ней всеми силами. А земное все, все снеди, одежды, деньги, сочтем за сор и не станем из-за сору прогневлять Господа, угрязая друг друга, враждя друг на друга...» И т. д., и т. д. Все сие сказано в других книгах, даже не претендующих на «благодатное озарение» — и сильнее, и лучше [Короленко 1925–1928 (2): 224–225].

Этот первый «анекдот» еще не имеет бытовой сюжетной основы и написан скорее как рецензия. Однако Короленко вынужден был отказаться от рецензий на книги самого отца Иоанна Кронштадтского, поскольку в подцензурном журнале эти книги были недоступны критике. Их можно было критиковать только косвенно — через тех почитателей и пропагандистов Иоанна Кронштадтского, которые в своем усердии пере-

³ В первых трех томах предисловие отсутствует. Дата цензурного разрешения в томе: 12 мая 1892 г., том издан в июне 1892 г. (см.: [Список 1892: 7]).

⁴ См. второй раздел справочника: [Список 1893] — библиографическая запись за сентябрь: «Моя жизнь во Христе, или Минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге: извлечение из дневника протоиерея Иоанна Ильича Сергиева (Кронштадтского). 4-е изд., испр. и доп. Том 1-й. Москва. Тип. В. А. Гатцкука <...>, 7.200 экз. Том 2-й. 436 с. 7.200 экз.».

гибали палку и поневоле обнажали слабые места в учении и поступках кронштадтского батюшки. Именно так появилась рецензия Короленко на книгу, которая в журнале описана следующим образом: «Больные отца Иоанна Кронштадтского. СПб.». Поскольку этот текст выпал из поля зрения исследователей, приводим его полностью:

«Новое чудо отца Иоанна Кронштадтского! Портрет и книжка 5 копеек». «Новое исцеление по молитве отца Иоанна! 5 копеек портрет и книжка!» Эти восклицания в течение нескольких дней раздавались вдоль Невского, причем субъекты разного вида и возраста протягивали проходящим брошюруку в зеленой обложке. На обложке изображен о. Иоанн, благословляющий больного, между тем как на заднем плане врачи, по-видимому, «сознаются в своем бессилии». На другой стороне напечатано, что книжная торговля г-на Кузина помещается внутри двора гр. Апраксина и что там, кроме книг разнообразного содержания, вы можете найти также большой выбор олеографий. Легко представить себе эту интересную коллекцию, продаваемую г-м Кузиным наряду с «новым чудом». Кстати сказать — никакого «нового чуда» в книжке вы не находите. Какой-то неизвестный автор счел для себя удобным припомнить «старые чудеса», относящиеся к 1887–89 году, о коих в свое время много писалось в прессе, а г-н Кузин счел удобным издать это вместе с аляповатым портретом, назначив за все цену 5 копеек. Очевидно, при содействии самоотверженных субъектов, выкрикивающих на Невском сочиненное ими самими заглавие, г-н Кузин в накладе не останется. Читатель согласится, вероятно, что все это вместе взятое довольно характерно, но нам показались особенно интересными, в качестве «знамения времени», рассуждения неизвестного автора, которыми он, вероятно для разнообразия, снабдил свое «сочинение». Вот некоторые отрывки:... «Я неоднократно видел, как гипнотизер Фельдман брал тяжело-больных из госпиталей и приказывал им моментально (!) выздороветь, те вставали и ходили здоровыми»... ...«Я готов допустить, что половина больных, исцеленных о. Иоанном, получила бы точно такое же исцеление... у Фельдмана без всяких молитв и веры...»... «Понятие о чуде есть условное: для простого человека и хинин, излечивающий лихорадку, и маятник часов, движущийся сам по себе, и паровоз, и пароход — все может быть “чудом”; для интеллигентного человека “чуда” как чуда не существует, а есть исследованные и неисследованные явления природы»... «Можно сказать, что в будущем найдутся объяснения этим пока еще таинственным фактам... и область “чуда” еще более расширится, с тою только разницею, что одни делают эти чудеса именем Бога, а другие силою “научной”» (стр. 5–8). Как видите, неизвестный автор довольно снисходителен также и к науке в лице г-на Фельдмана (!), которого он готов даже признать чудотворцем, отводя ему лишь несколько меньшую область: он излечивает «нервные болезни», тогда как о. Иоанн, по словам автора, срашивает молитвою сло-

манные ноги. Впрочем, примеров подобного исцеления автор на сей раз не приводит, ограничиваясь сообщением нескольких, гораздо менее важных случаев, не исключая таких, когда о. Иоанн советовал больным не уклоняться от помощи врачей, и они получали все-таки исцеление (стр. 30). Если бы не очевидная непосредственность автора, то мы склонны были бы увидеть в этом эпизоде самую ядовитую иронию по адресу врачей, но неизвестный автор, очевидно, в ней не повинен... Во всяком случае — «уморасположение», сквозящее в строках грязноватого изданья, показалось нам и своеобразным, и характерным. Да, печальна-таки в конце XIX века участь людей, которых описывают интервьюеры в мелкой прессе или сочинители Апраксина рынка, в заведениях гг. Кузиных (Апраксин двор; № 119 — «имеется большой выбор олеографий»!)⁵ [Короленко 1897: 98–99].

Книга с заголовком «Больные отца Иоанна Кронштадтского» нами не была обнаружена. Между тем известно более раннее издание 1891 г. со сходным названием [Животов 1891а]. Поскольку издание это очень редкое (мы смогли найти его только в РНБ⁶), а оно помогает нам разобраться с книгой, которую рецензирует Короленко, мы опишем его. Издание 1891 г. не имеет титульного листа и начинается сразу с текста. Роль титульного листа отчасти выполняет обложка с портретом Иоанна Кронштадтского. На с. 1 — заглавие: «Больные о. Иоанна Кронштадтского. Случаи чудес[ных] исцелений больных по молитве протоиерея Андреевского собора в г. Кронштадте о. Иоанна Ильича Сергиева»; на обложке помещена только первая часть заглавия. На этой же первой странице находится подстрочное примечание: «Настоящий очерк заимствуется нами из газеты “День” и принадлежит перу г. Н. Н. Животова». На последней, 16-й странице после текста написано: «Дозволено цензурою. СПб., 28 июня 1891 г. Типография Эттингера, Казанская, № 44». Вследствие этого книгу и датируют 1891 г., а издателем называют Эттингера. Между тем на последней странице обложки опубликовано объявление о продаже магазином Т. Ф. Кузина целой серии книг об Иоанне Кронштадтском, и мы приводим его, восстанавливая в квадратных скобках настоящие библиографические сведения, которые уточняли по разных источникам. Как мы увидим, одна из этих книг (вып. 4) издана самим Т. Ф. Кузиным, который выступал с публикациями и других книг об Иоанне Кронштадтском [Отец 1901] (о книгоиздателе и книгопродавце Тимофее Федоровиче Кузине [Кузин 1893] известно, что в 1911 г. его магазин находился в Петербурге на Гороховой ул., 44 [Гринченко 2016: 408]). Это дает основание

⁵ Рецензия не подписана, в библиографии Короленко не учтена. Авторство восстанавливается по гонорарным ведомостям журнала «Русское богатство» (ОР РНБ. Ф. 211 (А. Г. Горнфельд). № 1252–1276), благодарим А. В. Вострикова, который подготовил этот материал и предоставил его в наше распоряжение для публикации.

⁶ Благодарим Н. Н. Сперансскую, оказавшую нам помочь в работе с этим редким изданием.

предполагать его участие и в печатании других книг, и только на выпуске 4 нет указания на участие в его создании Н. Н. Животова⁷.

Итак, объявление о продаже книг в магазине Т. Ф. Кузина:

В книжной и картинной торговле Т. Ф. Кузина в С.-Петербурге, внутри Апраксина двора, № 119 поступили в продажу следующие названия:

1-й выпуск. Жизнь и биография о. Иоанна. [Отец Иоанн Ильич Сергиев, Кронштадтский, протоиерей Андреевского собора. Очерк (Из газеты «День») / Сост. Н. Н. Животов. СПб.: Ред. газ. «День», 1890. 87 с.; или: Биография о. Иоанна (Сергиева) Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора в Кронштадте. С прибавлением извлечений и поучений отца Иоанна. СПб.: Изд. Кузина, 1892. 128 с.]

2-й [выпуск]. О. Иоанн излечивает пьяниц. [Пьяницы у отца Иоанна Кронштадтского / [Соч.] Н. Н. Животова. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина и К°, 1895 (обл. 1894). 48 с.]

3-й [выпуск]. Дневник о. Иоанна. [Дневник отца Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора / [Публ.] [Н. Н. Животова]. М., 1892. 36 с.]

4-й [выпуск]. Нищие о. Иоанна. [Нищие о. Иоанна Кронштадтского: Очерк благотворительной деятельности протоиерея Андреевского собора в Кронштадте о. Иоанна Ильича Сергиева. СПб.: Т. Ф. Кузин; Калашниковская тип. А. Трунова, 1891. 16 с.]

5-й [выпуск]. Больные о. Иоанна.

6-й [выпуск]. Исповедники о. Иоанна. [Исповедники о. Иоанна Кронштадтского. Общая и частная исповедь православных протоиерея Андреевского собора в г. Кронштадте о. Иоанном Ильичом Сергиевым. [СПб.:] Тип. Эттингера, 1891 / [Соч.] [Н. Н. Животова]. 16 с.]

7-й [выпуск]. Дети о. Иоанна. [Детство отца Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора / [Соч.] [Н. Н. Животова]. М.: Тип. И. Д. Сытина и К°, 1892. 18 с.]

Беседы, сказанные протоиереем Иоанном Ильичом Сергиевым в Андреевском соборе в г. Кронштадте. «О Боге Пресвятой Троице», ц. 15 к. и «О Боге Промыслителе мира», ц. 15 к.

Короленко приводит в рецензии ряд цитат из не найденной нами книги 1897 г. Между тем все эти фрагменты мы находим и в издании 1891 г.:

Я неоднократно видел, как гипнотизер Фельдман брал тяжелобольных из госпиталей и приказывал им моментально (!) выздороветь, те вставали и ходили здоровыми [Короленко 1897: 98; Животов 1891а: 2].

Я готов допустить, что половина больных, исцеленных о. Иоанном, получила бы точно такое же исцеление <...> у Фельдмана без всяких молитв и веры [Короленко 1897: 98; Животов 1891а: 2].

⁷ См. также другую книгу этого автора, изданное у Т. Ф. Кузина: [Животов 1891б].

Понятие о чуде есть условное: для простого человека и хинин, излечивающий лихорадку, и маятник часов, движущийся сам по себе, и паровоз, и пароход — все может быть «чудом»; для интеллигентного человека «чуда» как чуда, не существует, а есть исследованные и неисследованные явления природы [Короленко 1897: 98; Животов 1891а: 2].

Можно сказать, что в будущем найдутся объяснения этим пока еще таинственным фактам «...» и область «чуда» еще более расширится, с тою только разницею, что одни делают эти чудеса именем Бога, а другие силою «научной» [Короленко 1897: 98, Животов 1891а: 3].

И еще один пример из конца книги, не прямое цитирование, но пересказ текста:

...примеров подобного исцеления автор на сей раз не приводит, ограничиваясь сообщением нескольких, гораздо менее важных случаев, не исключая таких, когда о. Иоанн советовал больным не уклоняться от помощи врачей, и они получали все-таки исцеление [Короленко 1897: 99].

В 1887 г. в июле месяце отец Иоанн был приглашен каретным извозчиком С-вым, больной жене которого предстояла сложная и крайне опасная операция. Исповедовав и приобщив больную Св. Тайн [sic!], уважаемый пастырь посоветовал ей не уклоняться от операции, которая и была вскоре после того совершена доктором Байковым. Результаты операции, по словам сведущих и близких к больной лиц, оказались самые благоприятные, так что в непродолжительном времени больная выздоровела [Животов 1891а: 15].

Вероятно, в издании, которое рецензировал Короленко, был титульный лист с оборотом и была более рыхлая верстка, и в таком случае получается, что это был тот же самый текст, растянутый на два печатных листа.

Вполне возможно, что Короленко читал сочинение Н. Н. Животова еще в газете «День». Так, во всяком случае, можно понять его дневниковую запись от 3 февраля 1894 г. «Святой конца XIX века», начало которой мы уже цитировали. В ней «чудесные исцеления» Иоанна Кронштадтского сопоставляются с «чудесами» Фельдмана:

Потом, уже вернувшись из ссылки в Европ[ейскую] Россию, я застал здесь всё возраставшую славу кронштадтского протоиерея. Говорили о чудесных исцелениях, о необыкновенной его святости и вообще личность Иоанна Кронштадтского обросла тем мистическим преклонением толпы, которое придает такую огромную гипнотическую силу. Газеты трубили (по характерному совпадению) одновременно о чудесах еврея Фельдмана, — гипнотизера, в значительной доле прибавлявшего, кажется, шарлатанство к дей-

ствительной «медиумической» силе, — и о чудесах кронштадтского чудотворца [Короленко 1925–1928 (2): 240].

Ту же самую стратегию — критику Иоанна Кронштадтского через его почитателей и пропагандистов — использовал и Михайловский в рецензии на книгу М. А. Сопоцько, изданную к именинам о. Иоанна Сергиева [Сопоцько 1902]:

Эта маленькая, в несколько страничек, брошюрка производит уже внешностью своею странное впечатление. Она «посвящается пастырям и клиру Нижегородской, Олонецкой и Киевской епархий». На заглавном листке имени автора нет, но на последней странице имеется подпись «Михаил С–о», а затем такие слова: «Горе» (воз) «имеим сердца!» На обороте же брошюрки значится: «Нижний Новгород. Михаилу Аркадьевичу. Цена 10 коп.». Все это очень загадочно, и по прочтении брошюрки остается столь же загадочным. Неизвестно, что это за «Михаил Аркадьевич», которому, по-видимому, цена 10 коп., и что это за «воз», устроившийся как будто не на своем месте. Неизвестно, наконец, и то, почему брошюра посвящается пастырям и клиру только трех епархий, когда в тексте автор обращается ко «всем пастырям великой российской церкви». А именно: «Каждый архипастырь в своей епархии может сделать съезд всех пастырей и на съезд этот пригласить о. Иоанна», от сослужения и собеседования с которым пастыри получат новую силу для борьбы с лжеучениями и ересями.

Мы ничего не имеем сказать об этом проекте, но кажется нам, что г. М. С–о (он же и Михаил Аркадьевич?) в своих восторженных хвалах о. Иоанну превышает меру, указанную самим кронштадтским пастырем. Недавно о. Иоанн ездил в Костромскую губернию, где самолично убеждал некоторых своих фанатических почитателей, что он не святой и не чудотворец. Между тем в лежащей перед нами брошюре о. Иоанн называется «угодником Божиим», «великим праведником», «победителем бесов» и т. п. Думаем, что таким образом г. М. С–о способствует распространению суеверия, с которым приходится бороться самому о. Иоанну. Не совсем уместным кажется нам и следующая параллель: «На портрете о. Иоанна видим ангельский лик, очи кроткие, чело светлое, уста чистые; общее выражение лица неизъяснимо привлекательное. На портрете Льва Толстого видим чело хмурое, покрытое как бы тучами, взор суровый, общую осанку гордыни».

Усердие г-на М. С.–о было бы, может быть, с известной точкой зрения похвально, если бы не было столь чрезмерно [Михайловский 1902: 74–75].

Михайловский, конечно, знал истинное имя автора этого издания, который в свое время был толстовцем, а с 1896 г. стал яростным противником Л. Н. Толстого. Публикации его 1896–1908 гг. под разными псевдонимами и криптонимами неоднократно повторяли буквально один и тот же

материал⁸, а публикации 1910–1911 гг. содержали глумливую сатиру весьма низкого свойства⁹. Неизвестно, обратил ли Михайловский на блеф Сопоцько, который писал: «А я ведь естественник — мог стать профессором, учителем юношества, редактором какого-нибудь ученого журнала, да уже и был я литератором, то есть руководителем общественного мнения». И к этому месту сделал примечание: «Писал я в журнале “Русское богатство”, руководимом Н. К. Михайловским, С. Кривенко и В. Г. Короленко, в “Неделе” Гайдебуровской, участвовал в издании Вологодского сборника “Помочь” вместе с П. В. Засодимским» [С-ко 1901а: 52]. Между тем при фронтальном просмотре «Русского богатства» с 1892 г., когда там возобновили сотрудничество Кривенко и Михайловский и начал печататься Короленко, мы не обнаружили ни одной публикации Сопоцько.

Однако в данном случае Михайловскому было важнее отделить самого священника Иоанна Сергиева от окружавших его людей, «усердие» которых было «столь чрезмерно». Но Короленко в своем дневнике по тому же самому поводу выступает, естественно, более решительно и откровенно. Сложно однозначно решить, чем привлек внимание Короленко рассматриваемый далее текст Сопоцько (взятый, судя по дневниковой записи, из газеты «Южное обозрение» от 29 сентября 1891 г. [Короленко 1925–1928 (4): 273]) — возможно, это связано с намерением противодействовать его выступлениям и желанием позднее откликнуться на этот пасквиль в печати, однако то, что писатель все же счел для себя нужным сохранить текст, делает его исключительно интересным для настоящей работы.

⁸ См.: Плоды учения гр. Л. Н. Толстого: [Прилож. к ж-лу «Церковные ведомости», изд., при Святышем Синоде]: [В 2 кн.]. Кн. 2. СПб.: Синод. тип., 1896. 48 с.; С-ко *Михаил*. Открытое письмо (болящему) графу Льву Николаевичу Толстому от бывшего его поклонника. [СПб.]: Тип. В. В. Комарова, [1899]. 7 с.; С-ко *М. А. Плоды учения* графа Л. Н. Толстого: Исповедь раскаявшегося толстовца. Тула: Тип. И. Д. Фортунатова, 1901. 75 с.; *Раскаявшийся толстовец* *М. А. С.* «Меморабилия»: Записки раскаявшегося толстовца // Миссионерское обозрение. 1904. № 8. С. 994–1000; № 10. С. 1276–1279; № 19. С. 1352–1360; № 20. С. 1556–1562; отд. отт.: *Аркадьев М.* «Меморабилия». Записки раскаявшегося толстовца. СПб.: Тип. «Бережливость», 1905. 28 с.; *Товарищ Михаил*. Мое знакомство с графом Л. Н. Толстым, его семьей и последователями // Студент-христианин. 1908. № 1. С. 8–27 (примеч.: «Начало этих очерков товарищ-студенты найдут на страницах “Академиста”, а подписчики получат вместе с первою книжкою этого журнала»); [Товарищ *Михаил*] 1. Письмо к гр. Толстому; 2. Открытое письмо к Л. Н. Толстому; 3. Открытое письмо (болящему) графу Льву Николаевичу Толстому от бывшего его поклонника // Студент-христианин. 1908. № 2–3. С. 1–34; По поводу юбилея «графа Л. Н. Толстого» // Студент-христианин. 1908. № 11–12. С. 29–30 (основание для атрибуции — начало статьи: «Наше отношение к Толстому известно читателям по статьям в № 1, 2 и 3 книжках журнала»); Из личных воспоминаний о Льве Толстом (= Студент-христианин. 1911. № 1–2).

⁹ См.: Как хоронить ясонополянского шарлатана // Студент-христианин. 1910. № 1–2. С. 29–31; Левка Брюхан мрачно-полянский лжемужичок: Сатира // Студент-христианин. 1910. № 5–6. С. 1–15; № 11–12. С. 1–9; № 15–16. С. 15–21; 1911. № 5–6. С. 26–32; № 7–8. С. 6–12; переизд.: Политические сатиры Михаила Сыромолия-Сопоцько: Вып. 1. СПб.: Тип. Страшунер, 1910. 40 с.; К сведению гг. членов Государственной думы правой фракции // Студент-христианин. 1911. № 3–4. С. 7–8; *Лев Катанский* [М. А. Сопоцько]. Еретику Льву Толстому // Студент-христианин. 1911. № 3–4. С. 7–8.

Из публикации [Короленко 1925–1928 (4): 272–273] неясно: то ли Короленко вклеил заметку в дневник, то ли переписал ее. Первый ответ предпочтительнее, поскольку текст в дневнике буквально совпадает с газетной перепечаткой [Замечательное явление 1901: 1–2] из «Тульских епархиальных ведомостей», к которым отсылает публикация¹⁰. Об этом свидетельствуют два факта. За отсутствием в газетном наборе греческого шрифта вместо слова εἰκῶν написано: «“иконы” по-гречески — изображение»; и так же — у Короленко. Кроме того, в газетной перепечатке отсутствуют курсивы и два слова из статьи в «Тульских епархиальных ведомостях»; и так же — у Короленко.

Далее приводим оригинальную публикацию [С–ко 1901б], сохраняя и курсив, и измененные либо купированные в перепечатке слова, и написание εἰκῶν.

Многими лицами и в том числе пишущим сии строки замечено удивительное явление с портретом графа Л. Н. Толстого. После отлучения Толстого от Церкви определением богоучрежденной власти выражение лица графа Толстого приняло чисто сатанинский <сатанический>¹¹ облик: стало не только злобно, но свирепо и угрюмо. Это не обман чувств предубежденной души, фанатически настроенной, но действительное явление, которое могут проверить все. И вот замечательное объяснение этого явления: оно дано одним старцем, высокой жизни подвижником: «Около святых икон, то есть <т. е.> изображений святых угодников, Богоматери и Самого Господа, *невидимо, но ощутительно* присутствует Благодать Святого Духа, творящая чудеса и исцеления по своей Ее воле, но не без веры лобызающих святые иконы, поклоняющихся пред ними. Оттого-то изображения на святых иконах в глазах верующих становились многократно <неоднократно> *как живые*. Тут случалось то, что сделалось бы с лицом мертвеца, если бы Бог возвратил душу в мертвое тело: лицо и выражение лица ожило бы. Когда человек с верою (которая *ощущается* как усилие сердца, как вопль, как устремление “горе”) молится перед св. иконою, напр<имер> перед иконою Пресв[ятой] Богородицы, то *Сама Богородица*, привлекаемая верою и воплем сердца молящегося, становится около иконы, и ее невидимое присутствие *чувствуется*, и происходит чудное *впечатление* от иконы.

Таким же образом впечатление, получаемое от портрета (‘иконы’ — εἰκῶν[,] изображение)¹² гр[афа] Толстого объяснимо

¹⁰ Между заголовком и текстом в газете приведен комментарий: «Под таким заглавием в “Тульских Епархиальных Ведомостях” помещена статья Михаила С–ко» [Замечательное явление 1901: 1].

¹¹ Здесь и далее в угловые скобки вынесены разночтения текста статьи, опубликованного 29 сентября 1901 г. в «Южном обозрении», с оригиналом из «Тульских епархиальных ведомостей». Природу подобных отличий можно объяснить как недостаточно внимательной сверкой двух текстов редакцией газеты, так и вмешательством автора в качестве редактора собственного текста.

¹² «Икона зверя» — то есть изображение звероподобного антихриста или самого духа злобы, диавола (Апок. 13, 15, 14, 9). — Примеч. М. А. Сопоцько.

только присутствием около его портретов *нечистой силы* (бесов и их начальника, диавола), которой усердно послужил во вред человечества треокаянный граф. Если веруем и *ощущаем* присутствие благодати около святых икон, почему же не верить в присутствие нечистой силы около портретов предавшего себя сатане графа. Будьте <Будем> уверены, что впечатление ваше, притом согласное с впечатлением многих и со смыслом события, не есть фантазия и обман чувств, но есть *духовный опыт*.

До сих пор («до зде», — выражаясь по чину четых-миней) приведены слова из письма старца. Если сопоставить эти наблюдения с известиями о страшных ощущениях, которые по ночам во время болезни тревожили дух графа, то нельзя не согласиться с мнением старца, что около «иконы» графа присутствует таинственно (незримо, но ощутительно) *сатана* и его силы (бесы). Вполне естественно, что это замечено верующими, ибо верующие в Господа приобретают сердце *очень чуткое* по глаголу: «на враги моя воззре око мое» (Пс. 53). Эта чуткость возрастает по мере *чистоты сердца*: «чистии сердцем Бога», а тем более ангелов и демонов, «узрят». Так, Василий Блаженный и другие святые часто видели демонов и <в перепечатке два слова пропущены> ангелов¹³. Полезно бы сопоставить для контраста последний портрет графа Толстого с портретом батюшки о. Иоанна Кронштадтского. Лицо есть зеркало души: на портрете о. Иоанна мы видим мужа богоносного, в *коем почивает Святый Дух*, умироворя душу и сердце избранника Своего, проявляясь в огненных глаголах его проповедей, во всем обличии и поступках. На портрете графа Толстого мы видим носителя духов нечистых, гнездилище «отца лжи», который извнутрь сердца («от сердца бо исходят помышления злая») Толстого возглашал ереси и злохуления, кощунства и непотребства. Дивны и страшны дела Господни: дела суда Его и премудрости! Но, торжествуя посрамление ересиарха, земная Церковь (православные люди Божии) должна по слову: «работайте Господеви со страхом» проникаться страхом Божиим многим, помня, что суду Божию подобает начаться с Дому Божия и что самый строгий суд предстоит православным. «Праведник едва спасается!»... Будем же строги к себе и любовно строги друг к другу¹⁴.

Итак, сначала Короленко критикует о. Иоанна через его сторонников. Но вскоре он замечает, что привычка к популярности, упоение ею, стремление сохранить и усилить ее рождают в Иоанне Кронштадтском

¹³ В Олонец[ком] еп[архиальном?] Муромском монастыре еще живет иеромонах Викентий, который, закрыв глаза, «умными очами» видит реющих в эфире демонов в разных видах. — Примеч. М. А. Сопоцко.

¹⁴ Вопрос об отношении Короленко к проблеме «Лев Толстой и Иоанн Кронштадтский» мы оставляем в данной работе в стороне, так как Короленко решал эту проблему не с позиции «простака» (как строил другие тексты об Иоанне Кронштадтском), а с прямо выраженной авторской точки зрения; см., в частности его статью «Лев Николаевич Толстой» [Короленко 1914: 299–324].

непомерно разросшееся самомнение, и он приписывает себе необычайные способности. В связи с известием о смерти Александра III Короленко заносит в дневник следующую запись:

После смерти государя в народе стали сильно толковать о том, что вот Иоанн Кронштадтский «замаливает купцов», а не замолил царя. В половине ноября «святой» поместил в газетах нечто о последних днях Александра III. Это «нечто», впрочем, ничего не прибавляет к характеристике покойного, зато немало говорит о чудесной силе возложения рук самого о. Иоанна и т. д. «Его величество сказал мне: “Вас любит народ”. — Да, — сказал я, — ваше величество, ваш народ любит меня. — Тогда он изволил сказать: “Да, — потому что он знает, кто вы и что вы”». («Точные Его слова» — прибавляет «святой» в скобках)... За шумом событий — роль кронштадтского чудотворца как-то мало выделялась в газетах. Теперь святой сам сообщает о себе лестное мнение, которое забыли сообщить другие...

(Письмо о. Иоанна Кронштадтского приведено в «Волгаре» № 276) [Короленко 1925–1928 (2): 285].

Ниже приводим полный текст этой публикации в нижегородской газете:

Письмо кронштадтского протоиерея о. Иоанна Сергеева

О. Иоанн Сергеев в письме своем «Церковн[ым] ведом[остям]» о последних днях жизни в Бозе почившего императора Александра III пишет: «17-го октября по желанию в Бозе почившего Государя Императора он был причащен мною Святых Таин. Ежедневно совершал я литургию или в ливадийской церкви, или иногда в “Ореанде”, и в означенный день прямо по совершении литургии в последней я с чашею жизни поспешил к Августейшему Больному, принявшему с благоговейным чувством из рук моих животворящие Тайны.

20-го октября Государь Император также пожелал меня видеть. Я поспешил явиться тотчас по совершении литургии и оставался в Высочайшем присутствии до самой блаженной кончины Государя. По желанию Государыни Императрицы я прочитал молитву об исцелении Болящего и помазал ноги и другие части его елеем. Этот елей из лампады от чтимой чудотворной иконы по желанию усердствующих доставлен был от одного из ялтинских священников, о. Александра, для помазания Августейшего Больного, что и было исполнено. Приняв с искреннею верою это благочестивое усердие, Государь Император выразил желание, чтобы я возложил мои руки на голову Его, и, когда я держал, Его Величество сказал мне: “Вас любит народ”. — “Да, — сказал я, — Ваше Величество, Ваш народ любит меня”. Тогда он изволил сказать: “Да, — потому что он знает, кто вы и что вы” (точные Его слова). После сего вскоре Августейший Больной стал чувствовать сильные припадки удушья, и в уста Его постепенно вводили посредством насоса кислород. Ему было очень тяжело. С левой стороны Августейшего

Больного была Государыня Императрица, пред ним стояли два старшие Сына и Высоконареченная Невеста; с правой — Великий Князь Михаил Александрович и Великая Княжна Ольга Александровна, а у изголовья кресла стоял я. — «Не тяжело ли Вашему Императорскому Величеству, что я держу руки на голове?» — спросил я. — «Нет, — изволил ответить Государь, — мне легче, когда вы держите надо мною руки». Это оттого, что я явился тотчас после совершении литургии, и дланями своими я держал Пречистое Тело Господне и был причастником Святых Тайн» [Письмо 1894: 3].

2

Привычка к популярности привела священника Иоанна Сергиева на политическую стезю, по которой он плавно стал скользить в сторону национализма и ксенофобии. Уже в книге «Моя жизнь во Христе» он писал:

История избрания и отвержения евреев показывает ту истину, что Бог верных Ему превознесет и возвеличит, а неверных и неблагодарных унизит и отвергнет; еще ту истину, что Он верен в Своих обетованиях и угрозах [Сергиев 1892: 398].

Поэтому следующий «анекдот» в «Из записок обывателя» Короленко направляет уже против самого Иоанна Кронштадтского:

О сем же

Когда в 1903 году произведено в Кишиневе прежестокое избиение евреев, то о. Иоанн Кронштадтский написал письмо, в коем во имя христианской любви осуждал сие человекоубийственное дело. И многие, умиляясь, говорили: воистину можно верить, что человек сей вдохновляется Святым Духом и пишет по его внушению.

Однако сие тоже неверно. Ибо вскоре же после того Павла-кай Крушеван поехал в Кронштадт и внушил кронштадтскому пастырю написать письмо в духе уже обратном: во всем обвинялись побитые иудеи, а жестокости над ними как бы даже одобрялись.

Итак, спрашиваю: можно ли допустить, чтобы внушение св. Духа оказалось слабее, нежели внушение неистового молдаванина... [Короленко 1890. Л. 30].

Как известно, после еврейского погрома в Кишиневе 6–7 апреля 1903 г. о. Иоанн Кронштадтский обратился к своей пастве в апреле того же года со словом «Мысли мои по поводу насилий христиан над евреями в Кишиневе», которое вместе с аналогичным словом епископа Волынского и Житомирского Антония по тому же поводу было напечатано отдельной брошюрой в 1903 г. (дозволено цензурою: Одесса, 17 мая 1902 [sic!] г., цена 5 копеек), а потом по материалам дел о погромах департамента полиции было опубликовано гораздо позднее с некоторыми отличиями (самое значительное из которых — отсутствие эпиграфа) [Дубнов, Красный-Адмони 1919: 352–353]:

Ученики Христа Иаков и Иоанн, видя то (пренебрежение самарян к Нему), сказали: «Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?» Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: «Не знаете, какого вы духа. Ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать».

(Лук. 9. 54–56)

Прочел я в одной из газет прискорбное известие о насилии христиан кишиневских над евреями, побоях и убийствах, разгроме их домов и лавок, и не мог надивиться этому из ряда вон выходящему событию. Помню, что было подобное событие в 1881 году на юге России, но в гораздо меньшей силе и остроте, и было следствием пагубных увлечений и заблуждений. А теперь что породило это потрясающее до глубины души буйство христианского русского народа, который вообще отличается простотою и доброю? Сильно чувствуется воздействие со вне злонамеренных людей, подстрекнувших наш народ к такому небывалому погрому. Сердце Царя, пекущегося об общем благе и спокойствии народа и о правильном течении жизни государства, особенно скорбит об этом ужасном кровавом происшествии. И когда же оно свершилось? На Пасхальной неделе, когда вся тварь разумная небесная и земная, ангелы и верные христиане ликуют о воскресении Христа из мертвых как начатке общего воскресения всего рода человеческого. Какое недомыслие или непонимание величайшего праздника христианского, какое тупоумие русских людей! Какое неверие! Какое заблуждение!

Вместо праздника христианского они устроили скверноубийственный праздник сатане, — землю превратили как бы в ад. Тому ли научились христиане от Христа, своего небесного Учителя, кроткого и смиренного сердцем, Который трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит (Мф. 12, 20), т. е. сердца сокрушенного и смиренного не уничтожит и курящуюся верой и покаянием душу не угасит, не допустит умереть, — пока она не довершит покаяния своего?

Русский народ, братья наши! Что вы делаете? Зачем вы сделались варварами, — громилами и разбойниками людей, живущих в одном с вами отечестве, под сенью и властью одного Русского Царя и поставленных от Него правителей? Зачем допустили пагубное самоуправство и кровавую разбойническую расправу с подобными вам людьми? Вы забыли свое христианское звание и слова Христовы: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем (Мф. 11, 29). Послушайте, как Он поучал учеников Своих кротости и незлобию. Однажды Он, восхотев идти в Иерусалим, послал вестников пред лицом Своим, и они пошли, и вошли в селение самарянское, чтобы приготовить для Него сердца людей. Но там не приняли Его, потому что Он имел вид путешествующего в Иерусалим. Видя то, ученики Его Иаков и

Иоанн сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал. Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа. Ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать. И пошли в другое селение. Вот каково должно быть поведение христианина, вот каков должен быть дух его. Каков же и чей дух проявили кишиневцы над евреями? Дух диавола, — но кто не имеет Духа Христова, кротости, смирения, терпения, повиновения власти, тот и не Его (Рим. 8, 9), тот и не Христов, а раб диавола и наследует подобную ему участь. Ученики Иаков и Иоанн из ревности ко Господу и любви к Нему хотели истребить самарян огнем небесным, но Господь строго запретил им это. О, как бы Он грозно запретил кишиневским громилам убивать горожан-евреев, и громить, и истреблять их жилища! Познайте же, братья русские, какого вы духа? Не обижайте никого и ни из-за чего. Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас (Мф. 5, 44). — Вот вам мое краткое евангельское слово, братья русские, по поводу кровавой расправы с евреями и с детьми их, ни в чем не повинными. Аминь [Слово 1903: 9–12].

Однако вскоре после произнесения этого слова к Иоанну Кронштадтскому приехал черносотенный публицист, организатор бессарабского отделения Союза русского народа П. А. Крущеван, и под его влиянием Иоанн Кронштадтский резко изменил свое мнение. Крущеван рассказал об этом, говоря о себе в третьем лице, в издаваемой им газете «Заря» (где вскоре он впервые под названием «Программа завоевания мира евреями» напечатал и «Протоколы сионских мудрецов»; 28 августа — 7 сентября 1903):

Вот она, русская душа!

Около месяца тому назад во многих газетах было напечатано слово о. Иоанна Сергиева, протоиерея кронштадтского, обращенное к кишиневским христианам по поводу еврейского pogrom. Слово это, однако, не было приведено ни «Новым временем», ни «Знаменем», ни другими газетами. Можно было бы подумать, что газеты эти не случайно, а, точно говорившись, не привели его.

Но говорились они разве настолько, насколько могут говориться люди, когда у них сердце полно одинаково горячей любви к родине, когда все, что причиняет ей боль, заставляет с такой же болью сжиматься их сердце и стремиться к одному лишь: не усугублять той скорби, которая и без того выпала на долю их родины и родного народа.

Помещение письма отца Иоанна Сергиева именно и могло бы усугубить эту скорбь.

В русской семье разразилось бедствие грустное, мрачное, и разразилось оно потому, что между двумя группами населения — еврейским и христианским, сложились совершенно не-

нормальные для совместного сожительства условия. Разразилось бедствие стихийно, точно так же, как оно разражалось, в теченье двух тысячелетий и среди других народов, и с теми же последствиями: приплатиться пришлось не только еврейскому населению, но и христианскому, как и вообще приходится приплачиваться во всех тех случаях, когда социальный порядок и строй жизни нарушается насильственным путем. Редакции нескольких русских газет все это понимали, чувствовали всем сердцем, и потому, удрученные скорбью, на которую было обречено христианское население, главным образом — вследствие фатальной необходимости жить вместе с евреями, не решались усугублять гнета, переживаемого им, тяжким приговором отца Иоанна Сергиева. Редакции русских газет слишком хорошо знали ту популярность и уважение, которыми глубокочтимый пастырь пользуется среди русского народа, знали, какое гнетущее впечатление произведет каждое его слово на те русские души, которые и без того исстрадались, хотя и не принимали никакого участия в погроме, исстрадались прежде всего в силу того невыносимого обостренного положенья, которое создала кишиневская трагедия. Вот почему эти газеты не напечатали слова о. Иоанна Сергиева. И не напечатали вполне основательно и с точки зрения христианской этики, и с точки зрения христианской религии, так как христианская религия прежде всего подсказывает милосердие, сострадание и умиротворенье силой любви христианской и всепрощенья даже к действительно виновным.

Время и обстоятельства показали, что русские газеты не ошиблись в этом отношении, что они угадали те сомнения, какие должен был переживать и сам о. Иоанн, произнося свой суровый приговор. На днях отец Иоанн Сергиев сам подтвердил это. И то, что он сделал в данном случае, может удивительно ярко свидетельствовать об искренности и благородстве русской христианской души, о ее необыкновенной чистосердечности и простоте. Другой пастырь, на месте отца Иоанна Сергиева, при его популярности, при его авторитете, никогда не решился бы отречься от сказанного им. Газеты подхватили его слово, перепечатали его со всевозможными лестными для него комментариями, которые в другом могли бы только вызвать суетность и, пожалуй, стремление лавировать чтоб той или другой ценой сохранить этот симпатичный ореол. Но посмотрите, как поступает этот действительно искренний, действительно честный и благородный русский христианин с правдивой, любящей беззатратно свой народ душой. Из «Правительственного сообщенья» он узнает, что послужило мотивом погрома, какие причины вызвали его; в этом же убеждают его и письма, полученный им из Кишинева от хорошо известных ему лиц. И вот он, не колеблясь, зная прекрасно, что это может вооружить против него известную часть печати, нисколько не задумываясь над этим, и стремится только к одному: всеми силами удовлетворить потребность правды своей христианской души, исполнить свой святой долг пастыря и христианина, который первый должен

служить примером братской любви и непосредственного раскаяния в своих ошибках.

23 мая, в Кронштадт, к отцу Иоанну приехало из Кишинева одно поченное лицо, занимающее там видное общественное положение.

В беседе с о. Иоанном лицо это в присутствии многих посетителей выяснило действительные причины, вызвавшие погром.

И отец Иоанн сказал:

— Я уже знаю это и сожалею о том, что сказал раньше. Я уже выслал для семейств христиан сначала триста рублей, а потом — пятьсот...

И когда собеседник его, продолжая описывать тяжкое положение, в котором благодаря погрому очутились не только семьи лиц, арестованных по поводу погрома, но и сотни христиан ремесленников, лишившихся заработка у евреев, отец Иоанн проплакал и сказал с глубокой грустью:

— Я собирался написать кишиневским христианам письмо... Я напишу сейчас.

Ему подали перо и чернила. И он тут же, в присутствии других посетителей, написал на почтовом листе малого формата «Письмо к возлюбленным братьям, кишиневским христианам», которое я привожу ниже дословно, прибавив, что оно может быть напечатано.

И это письмо, и этот искренний порыв являются, по-моему, удивительно характерной психологической чертой русской христианской души. Вот она вся целиком — во всем своем благородстве, со всей своей беспредельной искренностью и беззаветной любовью. — Ошибка так ошибка, увлеченье — так увлеченье, но ни искорки лжи, ни тени лицемерья, ни тени позированья. Только огромная нравственная сила и неисчерпаемая любовь к людям могут подсказать такой трогательный и глубокий по-своему значению шаг.

Но для того, чтобы читатели могли еще больше оценить значение этого письма, еще больше полюбить чистую и хорошую душу отца Иоанна, они должны прочитать его слово, которое было напечатано ранее.

П. Крушеван

**Письмо отца Иоанна Сергиева
Моим возлюбленным во Христе Боге
братьям кишиневским христианам**

Из последующих (за первыми) газетных известий о кишиневском погроме я достоверно убедился, что евреи сами были причиной того буйства, увечий и убийств, которые озnamеновали 6 и 7 числа апреля. Уверился я, что христиане, в конце концов, остались обиженными, а евреи за понесенные убытки и увечья сугубо награжденными от своих и чужих собратий. Это я знаю и из частных писем, писанных мне самыми искренними, давно живущими в Кишиневе и основательно знающими дело людьми. А потому взываю к христианам кишиневским: простите исклю-

чительно только к вам обращенную мною укоризну в совершившихся безобразиях. Теперь я убежден из писем очевидцев, что нельзя обвинять одних христиан, вызванных на беспорядки евреями, и что в погроме виноваты преимущественно сами евреи.

Кронштадтский протоиерей Иоанн Сергиев.

23 мая 1903 г. Кронштадт

[Крушеван 1903: 2–3]

Всю эту ситуацию А. П. Пятковский пересказал с приведением большого числа цитат в своем обзоре «Наши внутренние дела» в журнале «Наблюдатель». Курсивы, которые сделал А. П. Пятковский в письме Иоанна Кронштадтского, усилили его антисемитскую ориентацию: «я достоверно убедился, что евреи сами были причиною того буйства», «христиане в конце-концов остались обиженными», «простите исключительно только к вам обращенную мною укоризну», «в погроме виноваты преимущественно сами евреи» [Пятковский 1903: 48–49].

Резюмируя эту ситуацию, Короленко писал С. П. Подьячеву значительно позднее, 19 декабря 1906 г.:

Конечно, темноты еще много, но все же сила изуверов не растет, а падает. Этот самый Иван Кронштадтский был чуть не всероссийский, а теперь стал только «истинно русским» и черносотенным [Подьячев 1906. Л. 10].

3

Все это приводит к появлению третьего «анекдота» об Иоанне Кронштадтском, который сюжетно связан с Владимирским собором на Колокольной улице в Петербурге:

О нем же

В столичном городе С[анкт-]Петербурге, на Колокольной улице, выстроена преизрядная церковь, в коей, между прочим, происходят прения между церковниками и людьми старого обряда, приемлющими, а ино и не приемлющими священство.

Однажды некий лукавый возражатель сказал воинствовавшему миссионеру:

— Отче. Се видим соблазн и колеблемся духом. Общая исповедь не воспрещена ли ..... собором?

— Верно говоришь ты, чадо, — ответствовал миссионер. — Она воспрещена ..... собором в ..... году, о чем имеются и соборные постановления.

— Отче, — продолжал лукавец, — исповедь не есть ли таинство?

— Опять истинно.

— Не правда ли, что в таинстве никто не может делать никоей же перемены? И ежели знаменовать себя двуперстiem или же триеперстiem [sic!] — не составляет еще важности, то в совершении таинства и обряда менять не подобает?

— И опять верно, — ответствовал миссионер. — Перейди теперь к изложению причины: чесо ради блазнитеся и колеблетеся духом.

— Отче, — сказал вопрошатель с сокрушением. — В городе Кронштадте иерей Иоанн еженедельно производит общую исповедь всенародно. И однако не видим запрещения.

Поставленный сим вопросом в превеликое затруднение, миссионер, подняв очи горе, пребыл в молчании. После же сего, вздохнув, сказал тако:

— Могий вместити да вместит. Не могий — да не осуждает...

От чего среди слушателей поднялся смятенный ропот, а один из них, сказал:

— Но в таком разе за что осуждаете тех, кто венчается круг ракитова куста. Ибо и к этому применимо тоже речение: могий вместить да вместит...

На что миссионер уже не нашел достойного ответа [Короленко 1890. Л. 33 об.—35].

Короленко неправ: общая исповедь никогда не запрещалась церковными соборами, но не запрещалась потому, что предполагалась несуществующей. Вместе с тем в профессиональной богословской литературе нет никаких указаний, что Иоанн Кронштадтский получил разрешение на общую исповедь, напротив, общая исповедь толкуется как индивидуальная практика, которую может оправдать только особая прозорливость его как человека:

...общая исповедь была особым дерзновением о. Иоанна Кронштадтского, за которое он будет ответствовать перед Господом [Свенцицкий 1979: 175].

В общей исповеди о. Иоанна Кронштадтского не нарушались основные свойства Таинства в силу особых благодатных даров, данных ему от Господа [Там же: 174] (ср. [Вениамин 2000: 91–95, 176–177]).

...он был способен увидеть человека, который, может быть, внешне каялся, но на самом деле покаянного чувства не испытывал или исповедовал далеко не все из того, что совершил. И тогда святой Иоанн говорил ему: «И ты кайся». И тогда этот человек — в священном трепете — начинал уже каяться по-настоящему.

Но сейчас у нас с вами отцов Иоаннов Кронштадтских, к сожалению, что-то не видно [Малков 2016: 138–179].

Однако в современной биографии Иоанна Кронштадтского говорится (без ссылок на какие-либо источники) следующее:

Лишь обстоятельства — постоянно увеличившееся число: от нескольких сот до нескольких тысяч исповедующихся, приходивших к нему постоянно на соборную службу — заставили его обратиться в Петербургскую консисторию за разрешением про-

водить общую исповедь. В порядке исключения ему было дано такое разрешение [Одинцов 2014: 217].

Неординарная служебная практика самого Иоанна Кронштадтского находилась в известном соотношении с ненормативным поведением его почитателей и поклонников. В цитированной выше дневниковой заметке «Святой конца XIX века» от 3 февраля 1894 г. Короленко продолжал:

К сожалению, вместе с тем, к прежнему представлению о простой фигуре доброго священника стало примешиваться совершенно невольно что-то неприятное, отвращающее, нездоровое. В газетах проскальзывали, между дифирамбами, — коротенькие заметки о каких-то исступленных бабах, устраивавших в Кронштадте чуть не радения в честь чудотворца, и вообще движение подняло муть и грязь темного изуверства и невежества. Кажется, понемногу, добрый и слабый человек становился сам жертвой возникшего около него течения и, поверив в свою сверхъестественную миссию, — поплыл за уносившей его струей. В 80-х годах в той же мелкой прессе, которая трубила о чудесах о. Иоанна, сообщалось также о скандальном разбирательстве у мирового судьи: какая-то полковница, прежде державшая, так сказать, на откупу доходного святого, как-то оплошала, и святой перешел в другие руки. Полковница не помирилась с этой потерей и стала буйственно отнимать его в публичных местах и загонять в свое стойло. Раз, накинувшись на него при публике, она сорвала с него шляпу и ударила ею непокорного... [Короленко 1925–1928 (2): 240–241].

Через десять лет, в 1904 г., Короленко вновь хотел вернуться к сюжетам, связанным с Иоанном Кронштадтским, и для «Случайных заметок» готовил статью, но, как можно судить, уже не о ярых поклонниках кронштадтского священника, а о религиозной секте иоаннитов, которая сформировалась к этому времени и с которой Православная церковь вела активную борьбу (см.: [Зимина 2010: 127–139]). Короленко сообщал об этом А. В. Пешехонову 9 июня 1904 г.:

Дорогой Алексей Васильевич.

Я уже отослал две «заметки». Одна называется: «Соня Мармеладова на лекции г-жи Лухмановой», другая (пожиже) «Новые возражатели». Обе мне кажутся жидкковаты, но вместе с двумя Вашиими да, может быть, еще с прибавкой Петра Филипповича, полагаю, сойдут изрядно. Ваши темы придадут некоторую основательность, мои — довольно легкая кавалерия. Хотел еще написать о секте Иоаннитов (обожатели И. Кронштадтского), но, выбрав материал, вижу, что в день этого не сделаешь, а между тем — приходится уже ехать. Эти сборы и прочее лишают необходимого рабочего настроения. Итак — вероятно с этим придется отложить до июля [Короленко 1904б. Л. 10–13].

Заметка эта не появилась, и никакие наброски ее и подготовительные материалы к ней неизвестны. Но данное письмо ярко свидетельствует о том, что тема Иоанна Кронштадтского не оставляла Короленко в течение долгого времени. Однако в архиве Короленко сохранилась вырезка из газеты «Биржевые ведомости» (№ 211, 11 августа, без года), вклеенная в тетрадь:

О. Иоанн Кронштадтский в объявлении местного гешефтмакера

Злоупотребление именем почтенного пастыря решительно не знает никаких границ. Так, недавно во множестве экземпляров разослано следующее «дозволенное в печати кронштадтским полицмейстером Савичем» объявление: «Сим имею честь довести до сведения господ, приезжающих в Кронштадт и желающих иметь свободный доступ для свидания с о. Иоанном Ильичем Сергиевым (Кронштадтским), что мною вновь заключен с домовладельцем контракт и что, как известно, в моих меблированных комнатах батюшка бывает почти ежедневно, если не находится вне Кронштадта. С своей стороны, я принимаю горячее усердие, чтобы посетители комнат не за-сиживались и виделись бы с о. Иоанном возможно скорее.

Комнаты вновь ремонтированы, чисты и со всеми удобства-ми, так что приезжающему нет надобности возить с собой постель и прочие обременяющие его вещи.

С почтением Н. Пельд.»

Вот до чего дошло! Кончено, всякие комментарии к этому пе-чатному «с дозволения полицмейстера» безобразию совершенно излишни¹⁵ [Короленко 1890. Л. 16].

Кроме того, в самом конце дневниковой записи «Святой конца XIX ве-ка» от 3 февраля 1894 г., которую мы неоднократно цитировали, Королен-ко сообщает следующий факт:

Вообще, быть святым в наш век очень трудно. Теперь «Р[усская] Жизнь» опять сообщает пикантный случай с тем же святым, и опять известие исходит из камеры мирового судьи 22 участка гор. Петербурга, к которому поступил следующий протокол заведу-

¹⁵ Такого рода случаи фиксировались неоднократно; ср. в частности: «Изуверство. Злоупотребление именем о. Иоанна Сергиева с целью сектантской пропаганды практиковалось и в Конотопском уезде. В с. Обмачеве в конце Великого поста полицией, по словам “Киевлянина”, задержан борзенский мещанин П., пророчествовавший там с первой недели поста. Занимаясь предсказыванием будущего и религиозными поучениями, П. благословлял крестьян именем о. Иоанна Кронштадтского, причем все получаемые от своих получателей деньги расходовал на покупку свечей, которые частью ставил в церкви перед образами, частью раздавал бедным. Ссылаясь на какой-то золотой пояс, якобы полученный им от о. Иоанна, П., кроме частных предсказаний о судьбе того или иного из своих клиентов, пророчествовал также о грядущих политических событиях. Так, например, он уверял крестьян, что нынешней весною будет большая война, в которой русские войска понесут огромные потери и т. п. Проповедывал П. не только в частных домах, но главным образом в церковной сторожке, где во время ежедневных высокопостных богослужений слушать его собиралось немало народа» (Новое время. 1903. № 9736, 14 (27) апреля. С. 4).

ящего полицейскою командой на балтийском вокзале... [Короленко 1925–1928 (2): 241].

После этой записи Короленко вклеил вырезку из «Русской жизни»:

Оригинальное приглашение

К мировому судье 22-го участка на днях поступил следующий протокол заведывающего полицейской командой на балтийском вокзале.

«11-го января настоящего года, — говорилось в протоколе, — с поездом № 28, приходящим в Петербург в 4 ч. 20 м. дня прибыл из Ораниенбаума батюшка отец Иоанн Кронштадтский. Сопутствующий многочисленной толпой народа, батюшка вместе с с.-петербургской купчихой А. И. Зайцевскою, проживающей в д. № 61 по Николаевской улице, с вокзала последовал к ожидавшей его карете. Когда, однако, г-жою Зайцевскою была отворена для пропуска его дверца кареты, в ней оказался какой-то неизвестный, потребовавший, чтобы батюшка ехал к нему на квартиру помолиться о выздоровлении его тяжко больного отца. Удивленный батюшка, однако, на это не согласился и попросил неизвестного оставить карету. Но ни просьбы его, ни увещания г-жи Зайцевской не могли «сдвинуть» с места неизвестного, назвавшегося классным художником Николаем Савичем Постемским, проживающим в квартире отца в д. № 17 по Крюкову каналу. Только при помощи полиции силою удалось, наконец, удалить г. Постемского из кареты и препроводить в управление участка, причем он производил шум и волновал публику».

Так гласил протокол...

Препроводив его к судье, полиция просила привлечь классного художника Н. Постемского к ответственности по 38 ст[атье] уст[ава] о нак[азаниях], т. е. за беспорядок в публичном месте. На днях г. Постемский предстал перед судьей.

— Я не буду, г. судья, оправдываться перед вами, пусть лучше все расскажут свидетели, — заявил он.

Были спрошены свидетели, и вот что они показали.

— Никакого скандала, г. судья, не было. Постемский только спокойно сидел в карете и, несмотря на троекратную просьбу о. Иоанна, не хотел оттуда выходить, упрашивая о. Иоанна поехать к нему на квартиру. Наконец, он вышел, и когда его взял околоточный надзиратель, он спокойно последовал за ним в контору, — говорил свидетель, городовой Афанасьев.

Точно так же отрицал шум и другой свидетель, кучер при карете, Митрофанов.

— Только вот не видал я, как он забрался-то в карету, — говорил он, — подаю это ее к подъезду, глядь, там человек сидит... Несколько другую окраску придал происшествию третий свидетель, служащий у г. Постемского, 12-летний мальчик Николай Петров, ходивший вместе с хозяином на вокзал.

— Страшно больной (рак в горле) старик отец Николая Савича, — начал мальчик, — давно уже просил сына пригласить

о. Иоанна помолиться. Исполняя желание отца, Н. С. писал письма батюшке, жена его ходила к г[-же] Зайцевской, прося содействия в этом, но все было напрасно. Батюшка не приезжал. Тогда Н. С., думая, что его письма не доходят, решился лично просить батюшку. Зная, что батюшку видеть трудно, он задумал дождаться его в его же карете. Прежде, однако, чем сделать это, он предупредил о своем намерении полицию и Зайцевскую, а затем уже тихо сел в карету. Когда карета была подана к подъезду, первая вышла к ней г-жа Зайцевская. Увидев там г. Постемского, она закричала на кучера, тот открыл переднее окно и, просунув в него кнут, начал им выгонять г. П., г. П., однако, сейчас же вырвал кнут, но тут на него набросилась г-жа Зайцевская. Страшно взъяренная, она хватала его за платье, рвала его и даже позволила себе, когда увидела, что никто не помогает, схватить г. Постемского за волосы и вытаскивать его из кареты. Г. П. без шума отбивался и, все-таки, дождался о. Иоанна, не нарушая тишины при нем. Вышел он также тихо по приказанию околоточного надзирателя.

На основании таких свидетельских показаний, судья, г. Иваньков, постановил считать г. Постемского, по обвинению его по 38-й статье уст. о нак., по суду оправданным. («Нов.») [Оригинальное приглашение 1894: 2–3]¹⁶.

Вся эта история на самом деле случилась в Петербурге 11 января 1894 г. Классный художник 3-й степени Николай Саввич Постемский (род. 1862) звал Иоанна Кронштадтского к своему умирающему отцу, тоже художнику, Савве Васильевичу Постемскому (1825–1894)¹⁷, звал по просьбе умирающего и потому был так настойчив. Александра Ивановна Зайцевская, вдова 2-й гильдии петербургского купца М. С. Зайцевского, владелица керамического завода в Боровичах, была с 1893 г. «каретницей» Иоанна Кронштадтского и потому сопровождала его при посещении больных¹⁸.

Вся эта трагикомическая история на самом деле произошла. И после вклейки Короленко приписал:

Бедный святой конца XIX века! Карета, кучер, выгоняющий «верующего» кнутом, точно собаку, и в довершение всего какая-то фурия «купчиха Зайцевская», держащая «святого» в повиновении и отпускающая его святость (по повышенной таксе?) к тем, кто сумеет ее упросить... [Короленко 1925–1928 (2): 241].

Короленко, как можно судить, коллекционировал такие анекдоты об Иоанне Кронштадтском. Некоторые из них он узнавал во время своих путешествий по стране. В. Ф. Булгаков сообщает:

Приведу еще рассказ Короленко о том, как он ходил на открытие мощей Серафима Саровского.

¹⁶ Ср.: [Случай 1894].

¹⁷ См. о них: [Будько 2020: 54–61].

¹⁸ См. о ней: Музей истории г. Боровичи и Боровичского края: [Группа в соцсети «ВКонтакте】. 2010. 2 апр. URL: https://vk.com/wall-82835447_5372.

— Так как ехал царь, то со всех деревень набрали мужиков-охранников и расставили по всей дороге. Мы шли вдвоем с товарищем. Подходим к нескольким таким охранникам. Поздоровались. «Что вы здесь делаете?» — спрашиваем. «Караулим царя». — «Да что же его караулять?» — «Его извести хотят». — «Кто же?» — «Да скорей вот такие же, как вы, картузники!» А я заметил, что на одном из мужиков тоже был картуз, и с козырьком, разорванным пополам. Я ему и говорю: «Да ведь на тебе тоже картуз, да у меня еще с одним козырьком, а у тебя ведь с двумя!» Так шуткой всё кончилось, стали смеяться... Какое же у них представление о том, кто хочет извести царя? По их мнению, по России ходят студенты с иконой и все добиваются, чтобы царь приложился к иконе. Раз он было чуть не приложился и уже перекрестился, да батюшка Иван Кронштадтский говорит: «Стой! солдат, пали в икону!» Солдат взял ружье, хотел палить, вдруг из-за иконы выскоцил татарин... Я говорю мужикам: «Что вы, какой татарин?» Но они объясняют, что татарин с двумя ножами, в той и в другой руке; его студенты посадили в икону: как царь стал бы прикладываться, он бы его так с обеих сторон ножами и убил бы. Я тогда и говорю своему товарищу, — добавил Короленко, — о каких мы говорим конституциях, о каких реформах, когда в народе такая темнота?.. [Булгаков 1989: 309–310].

* * *

Итак, мы попытались реконструировать очерк Короленко об Иоанне Кронштадтском. Как видим, Короленко предполагал написать его не в форме своих собственных воспоминаний о кронштадтском батюшке, но в виде записок одного «простодушного» человека («Из записок обывателя») о другом «простодушном» человеке. Такое построение, конечно, могло помочь обойти цензурные препятствия, но главная цель его состояла в ином. Короленко предлагал не «интеллигентский», но интеллектуально «наивный» подход к личности и имиджу Иоанна Кронштадтского, что должно было обнажить сложность и противоречивость самого этого явления — «святой конца XIX века». «Интеллигентская» точка зрения была выражена, например, в письме И. В. Шкловского к А. Г. Горнфельду от 23 января 1905 г. из Лондона:

Я недавно выписал и перечитал почти всю «новейшую» литературу с ее критиками и философами (Мережковским, между прочим). Для меня все это как будто бы написанное на непонятном языке. Неужели публика серьезно увлекается мистицизмом Мережковского, круто замешанным с порнографией. Из этого «миста» (Mist, тумана) для меня выделяется камилавка отца Иоанна Кронштадтского. Пожалуйста, ответьте на этот пункт [Шкловский 1905. Л. 8].

Эта позиция, возможно, и справедлива. Но она и легко может быть подвергнута критике: так пишет человек, не верующий в чудо. Позиция, которую предлагал Короленко, была сильна тем, что отражала точку зре-

ния «простодушного» «обывателя», который и мог бы (и желал бы) поверить в чудо, но ему постоянно мешают то одни, то другие привходящие обстоятельства.

Не опубликованные ни в свое время, ни позднее эти заметки Короленко не вошли в научный обиход и не учитываются ни составителями сводов воспоминаний современников [Орнатская и др. 2004], ни исследователями этих сводов. Эти составители упоминают Короленко попутно, и мнения его не входят в выстраиваемую ими общую картину (см.: [Ильяшенко 2004; Киценко 2006; Kizenko 1995]). Между тем заметки Короленко могли бы сообщить этой общей картине большую емкость и значение, потому что при настоящем положении дел картина эта остается одиозной и ангажированной.

Источники

Архивные

Короленко 1890 — *Короленко Вл. Г.* Записная тетрадь. 1890, июль и позже // ОР РГБ. Ф. 135. Разд. I. Карт. 8. Ед. хр. 420.

Короленко 1904a — *Короленко В. Г.* Письмо Е. С. Короленко от 18 мая 1904 г. // ОР РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 2. Л. 28–28 об.

Короленко 1904b — *Короленко Вл. Г.* Письма Пешехонову А. В. 1904. 21 марта — 22 июня. Петербург, Джанхот, Полтава в Петербург // ОР РГБ. Ф. 225. Карт. 3. Ед. хр. 35. Л. 10–13.

Подъячев 1906 — Письмо Вл. Короленко С. П. Подъячеву // ОР ИМЛИ. Ф. 22: Подъячев С. П. Оп. 3. Ед. хр. 14.

Шкловский 1905 — *Шкловский И. В.* Письма А. Г. Горнфельду. 1899–1912 и б. д. // ОР РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 1108. Л. 8.

Опубликованные

Оригинальное приглашение 1894 — Оригинальное приглашение // Русская жизнь. 1894. № 28. 30 янв. С. 2–3.

Случай 1894 — Случай с о. Иоанном Кронштадтским // Петербургская газета. 1894. № 29. 30 янв. С. 2. [Рубрика «Петербургские отголоски»].

Письмо 1894 — Письмо кронштадтского протоиерея о. Иоанна Сергиева // Волгарь. 1894. № 276, 17 ноября. С. 3. (1-я публ.: Тульские епархиальные ведомости. 1901. Август. № 15–16. Часть неофиц. С. 574–576. Тексты полностью совпадают).

Короленко 1897 — [Короленко В. Г.] Больные отца Иоанна Кронштадтского. СПб. // Русское богатство. 1897. № 10. Отд. 2. С. 98–99.

Замечательное явление 1901 — Замечательное явление с портретом графа Л. Н. Толстого // Южное обозрение. 1901. № 1609. 29 сент. С. 1–2.

Михайловский 1902 — [Михайловский Н. К.] Кронштадтский маяк (19 октября 1902 г.). Ко дню именин о. Иоанна Сергиева (Кронштадтского). Нижний Новгород, 1902 // Русское богатство. 1902. № 12. С. 74–75.

Пятковский 1903 — [Пятковский А. П.] Наши внутренние дела // Наблюдатель. 1903. № 6. С. 48–49 (2-я паг.).

Булгаков 1989 — Булгаков В. Л. Н. Толстой в последний год его жизни: Дневник секретаря Л. Н. Толстого / Вступ. ст. и примеч. С. А. Розановой. М.: Правда, 1989.

- Горький 1973а — *Горький М. В. Г. Короленко* // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 16: Повесть. Рассказы, очерки, стихи. 1917—1924. М.: Наука, 1973. С. 240—259.
- Горький 1973б — *Горький М. Из воспоминаний <Иоанн Кронштадтский>* // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 16: Повесть. Рассказы, очерки, стихи. 1917—1924. М.: Наука, 1973. С. 450—458.
- Животов 1891а — Больные о. Иоанна Кронштадтского. Случаи чудес[ных] исцелений больных по молитве протоиерея Андреевского собора в г. Кронштадте о. Иоанна Ильича Сергиева / [Публ.] [Н. Н. Животова]. СПб.: Тип. Эттингера, [ценз. 1891].
- Животов 1891б — Церковный раскол Петербурга в связи с общероссийским расколом: Очерки, [печатавшиеся в газете «День»] / [Соч.] Н. Н. Животова. СПб.: Изд. книгопродавца Т. Ф. Кузина, 1891.
- И—т 1897 — *И—т [Игнатов И. Н.] Журнальные новости* // Русские ведомости. 1897. № 350. 19 дек. С. 3.
- Короленко 1914 — *Короленко В. Г. Полное собрание сочинений*. Т. 1. СПб.: Т-во А. Ф. Маркса, 1914.
- Короленко 1925—1928 — *Короленко В. Дневник*: [В 4 т.]. Полтава: Гос. изд-во Украины, 1925—1928. (Полн. собр. соч. Посмертное изд.; Т. 1—4).
- Крушеван 1903 — *Крушеван П. Вот она, русская душа!*; Письмо отца Иоанна Сергеева. Моим возлюбленным во Христе Боге братьям кишиневским христианам // Знамя. 1903. № 141. 28 мая (10 июня). С. 2—3.
- Кузин 1893 — Каталог книг книгопродавца Тимофея Федоровича Кузина в С.-Петербурге ... СПб.: [б. и.], 1893.
- Отец 1901 — Отец Иоанн Кронштадтский. Исцеление женщины в селе Кончанском Новгородской губернии. СПб.: Изд. Т. Ф. Кузина, 1901.
- Салтыков 2019 — *Салтыков К. М. Интимный Щедрин*: Воспоминания сына писателя / Подгот. текста, вступит. ст. и comment. М. В. Строганова. Талдом: Перо, 2019.
- Сергиев 1892 — Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Ильича Сергиева: [В 6 т.]. 1-е изд. Т. 4: Моя жизнь во Христе ... Ч. 1. Кронштадт: Тип. В. Ерофеева, 1892.
- С—ко 1901а — *С—ко М. А. Плоды учения графа Л. Н. Толстого: Исповедь раскаявшегося толстовца*. Тула: Тип. И. Д. Фортунатова, 1901.
- С—ко 1901б — *С—ко М. [Сопоцько М. А.] Замечательное явление с портретом графа Л. Н. Толстого* // Тульские епархиальные ведомости. 1901. Август. № 15—16. Часть неофиц. С. 574—576.
- Сопоцько 1902 — *Сопоцько-Сырокомля М. А. Кронштадтский маяк (19 октября 1902 г.)* Ко дню именин о. Иоанна Сергиева (Кронштадтского). Нижний Новгород: Тип. «Техник», 1902.
- Слово 1903 — Слово епископа Антония и о. Иоанна Кронштадтского по поводу насилий христиан над евреями в г. Кишиневе. Одесса: Книгоизд-во Д. Сегон; Тип. и нотопечатня И. Копельмана, 1903.
- Список 1892 — Список изданий, вышедших в России в 1892 году. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1892. [Раздел 2:] Список изданий, вышедших с разрешения с.-петербургского духовного цензурного комитета в январе — июне 1892 года.
- Список 1893 — Список изданий, вышедших в России в 1893 году. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, [1894]. [Раздел 2:] Список изданий, вышедших с разрешения московского духовного цензурного комитета в 1893 году.

Сокращения

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

ОР ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва).

Литература

Будько 2020 — *Будько В. И.* Ефим Андреев. Доложск и Выскатка. СПб.: Страна, 2020.

Вениамин 2000 — *Вениамин (Федченков)*, митрополит. Отец Иоанн Кронштадтский. М.: Паломник, 2000.

Гринченко 2016 — *Гринченко Н. А.* Книжные магазины Санкт-Петербурга (1862–1917 гг.) // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: Сб. науч. тр. Вып. 18 / [Ред.-сост. Н. Г. Патрушева]. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2016. С. 386–436.

Зимина 2010 — *Зимина Н. П.* Иоанниты // Православная энциклопедия. Т. 25 / Под ред. Патриарха ... Кирилла. М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2010. С. 127–139. [Электрон. версия]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/578020.html>.

Груздев 1948 — *Груздев И.* Горький и его время. 2-е изд. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1948.

Дубнов, Красный-Адмони 1919 — Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т. 1: Дубосарское и Кишиневское дела 1903 года / Под ред. и с вступ. ст. С. М. Дубнова, Г. Я. Красного-Адмони. Пг.: Тип. «Кадима», 1919.

Ильяшенко 2004 — *Ильяшенко Ф. А.* Отец Иоанн Кронштадтский в восприятии современников: Автограф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2004.

Киценко 2006 — *Киценко Н.* Святой нашего времени: Отец Иоанн Кронштадтский и русский народ / [Пер. с англ.]. М.: Нов. лит. обозрение, 2006.

ЛН — Литературное наследство. Т. 107: Журнал «Русское богатство» Н. К. Михайловского. Из переписки членов редакции, авторов и современников. 1890–1903. В 2 кн. / Отв. ред. М. Л. Спивак. Кн. 1: 1890–1899; Кн. 2: 1900–1903. М.: ИМЛИ РАН, 2022.

Малков 2016 — *Малков П. Ю.* Введение в Литургическое Предание: Таинства Православной Церкви: Курс лекций. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016.

Одинцов 2014 — *Одинцов М.* Иоанн Кронштадтский. М.: Мол. гвардия, 2014.

Орнатская и др. 2004 — Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев / Сост. Т. И. Орнатская, Ю. В. Балакшина, Т. Б. Ильинская, Б. Ф. Споров. М.: Отчий дом, 2004.

Свенцицкий 1979 — *Свенцицкий В., свящ.* Шесть чтений о Таинстве покаяния в его истории (Против общей исповеди) // Надежда: Христианское чтение. Вып. 2 / Сост. З. Крахмальникова. Frankfurt/Main: Possev-Verlag, 1979. С. 105–178.

Kizenko 1995 — Kizenko N. The making of a modern saint: Ioann of Kronstadt and the Russian people, 1855–1917: Doctoral diss. / Columbia Univ. New York, 1995.

References

Bud'ko V. I. (2019). *Efim Andreev. Dolozhsk i Vyskatka*. Strata. (In Russian).

Dubnov, S. M., & Krasnyi-Admoni, G. Ia. (Eds.) (1919). *Materialy dlja istorii antievreiskikh pogromov v Rossii* [Materials for the history of anti-Jewish pogroms in Russia] (Vol. 1). Tip. «Kadima». (In Russian).

- Grinchenko, N. A. (2016). Knizhnye magaziny Sankt-Peterburga (1862–1917 gg.) [Bookstores of St. Petersburg (1862–1917)]. In N. G. Patrusheva (Ed.). *Knizhnoe delo v Rossii v XIX — nachale XX veka: Sbornik nauchnykh trudov* (Vol. 18, pp. 386–436). Rossiiskaia natsional'naia biblioteka. (In Russian).
- Gruzdev, I. (1948). *Gor'kii i ego vremia* [Gorky and his time] (2nd ed., Vol. 1). Sovetskii pisatel'. (In Russian).
- Il'iashenko, F. A. (2004). *Otets Ioann Kronshtadtskii v vospriiatii sovremenников* [Перевод] (Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation, Lomonosov Moscow State University) (In Russian).
- Kizenko, N. (1995). *The making of a modern saint: Ioann of Kronstadt and the Russian people, 1855–1917*. Columbia Univ. Press.
- Kizenko, N. (2000). *A prodigal saint: Father John of Kronstadt and the Russian people*. Pennsylvania (Doctoral diss., Columbia University).
- Malkov, P. Iu. (2016). *Vvedenie v Liturgicheskoe Predanie: Tainstva Pravoslavnoi Tserkvi: Kurs lektsii* [Introduction to Liturgical Tradition: The Sacraments of the Orthodox Church: A course of lectures] (4th ed., rev. and enl.). Izdatel'stvo PSTGU. (In Russian).
- Odintsov, M. (2014). *Ioann Kronshtadtskii* [John of Kronstadt]. Molodaia gvardiia. (In Russian).
- Ornatskaia, T. I., et al. (Eds.) (2004). *Sviatoi pravednyi Ioann Kronshtadtskii. Vospominaniia samovidtsev* [St Righteous John of Kronstadt. Memoirs of self-witnesses]. Otchii dom. (In Russian).
- Spivak, M. L. (Ed.). *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage], Vol. 107: *Zhurnal "Russkoe bogatstvo" N. K. Mikhailovskogo. Iz perepiski chlenov redaktsii, avtorov i sovremenников. 1890–1903* [N. K. Mikhailovsky's journal *Russian Wealth*. From the correspondence of members of the editorial board, authors and contemporaries. 1890–1903], Book 1: 1890–1899, Book 2: 1900–1903. IMLI RAN. (In Russian).
- Sventsitskii, V., priest (1979). *Shest' chtenii o Tainstve pokaiania v ego istorii (Protiv obshchei ispovedi)* [Six readings on the Sacrament of Penance in its history (Against general confession)]. In Z. Krakhmal'nikova (Ed.). *Nadezhda: Khristianskoe chtenie* (Vol. 2, pp. 105–178). Possev-Verlag (In Russian).
- Veniamin (Fedchenkov), Metropolitan (2000). *Otets Ioann Kronshtadtskii* [Father John of Kronstadt]. Palomnik. (In Russian).
- Zimina, N. P. (2010). *Ioannity* [Adepts of John of Kronshtadt]. In Patriarch ... Cyrill (Ed.). *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. 25, pp. 127–139). Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia entsiklopediia". <https://www.pravenc.ru/text/578020.html>. (In Russian).

Информация об авторах

Армен Варужанович Геворкян
каноидат филологических наук
старший научный сотрудник, отдел
«Литературное наследство», Институт
мировой литературы им. А. М. Горького
РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская,
д. 25а
✉ armenvar@mail.ru

Information about the authors

Armen Varuzhanovich Gevorgyan
Cand. Sci. (Philology)
Senior Research Fellow, Department
"Literary Heritage", A. M. Gorky
Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Russia, 121069, Moscow, Povarskaya
Str., 25a
✉ armenvar@mail.ru

Михаил Викторович Строганов

доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник, отдел
«Литературное наследство», Институт
мировой литературы им. А. М. Горького
РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская,
д. 25а
✉ mustroganov@gmail.com

Mikhail Viktorovich Stroganov

Dr. Sci. (Philology)
Leading Researcher, Department
“Literary Heritage”, A. M. Gorky
Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Russia, 121069, Moscow, Povarskaya
Str., 25a
✉ mustroganov@gmail.com